

РОЛЬ ДЕКАБРИСТОВ В СВЯЗИ ПОКОЛѢНІЙ.

В минувшем 1925 году русскія колоніи за границей отпраздновали два юбилея: двухсотлѣтіе со смерти Петра Великаго и столѣтіе возстанія декабристов. Между обоими юбилеями, при всей кажущейся противоположности, можно установить глубокую внутреннюю связь. Двѣсти лѣт тому назад в русскую жизнь внесено было новое европейское начало: внесено насильственным и внѣшним образом, — и иначе быть не могло по неподготовленности тогдашней русской жизни к воспріятію реформы. Сто лѣт тому назад поколѣнію тогдашней интеллигенціи показалось, что реформа уже созрѣла — ибо сто лѣт внѣшней европеизаціи Россіи не прошли даром. И это поколѣніе выступило с широким планом политической и социальной реформы, которая должна была связать европейскія начала с органическим внутренним процессом развитія Россіи. Но власть на этот раз оказалась противницей внутренней европеизаціи Россіи. Послѣдовала первая открытая борьба, в которой власть легко побѣдила. Но план коренной реформы ей удалось только отложить — с громадным риском для его мирнаго проведенія. В наши дни этот план выплыл во всей своей полнотѣ — и проводится в жизнь цѣной величайшей катастрофы, которую когда либо переживала Россія. Такова связь между Петром, декабристами и современной нам русской революціей.

Декабристы в этой связи событій стоят на полдорогѣ между Петром и нашим поколѣніем. От Петра до них и от них до нас тянется одна живая нить, которая нас связывает с этой частью нашего прошлаго единой традиціей. На послѣднем двухсотлѣтнем промежуткѣ русская исторія движется вперед не одними только стихійными бессознательными процессами. Она пріобрѣтает, чѣм далѣе — тѣм больше, характер планомѣрности и сознательности. Большія историческія задачи вообще не осуществляются на пространствѣ одной человѣческой жизни. Чтобы их достигнуть, нужно передавать их от поколѣнія к поколѣнію.

Только политическое воспитание поколѣній в стремленіи к одной національной цѣли может обезпечить ея достиженіе. Такое единство в постановкѣ и преслѣдованіи національных задач у нас становится возможно со времени Петра. В этой цѣпи поколѣній, несущих русскую интеллигентскую традицію, декабристы занимают, если положить по четыре поколѣнія на столѣтіе, пятое мѣсто. Они поднимают нить своих непосредственных предшественников, Новикова и Радищева, и передают ее своему непосредственному преемнику, Герцену. Достаточно назвать эти имена, чтобы создать в умах читателей, знакомых с исторіей русской интеллигенціи, достаточно отчетливое представленіе о мѣстѣ декабристов в цѣпи поколѣній русской интеллигенціи.

Моя задача в этом кратком очеркѣ сводится, таким образом, к характеристикѣ трех хронологических моментов. Чѣм связаны декабристы с прошлым? Чѣм они обязаны своей собственной эпохѣ? Что они передали русскому будущему? Я отвѣчу послѣдовательно на всѣ три вопроса.

I.

Говоря о связи с прошлым, естественно, прежде всего, упомянуть о предшественниках декабристов в области тѣх политических идей, которыя они раздѣляли. Это — тѣ идеи, которыя подготовили на Западѣ теорію и практику французской революціи. Поколѣніе, подвергшееся вліянію этих идей, выступило на общественную арену во вторую половину царствованія императрицы Екатерины (1770 — 1780 гг.). Его дѣятельность уже вызвала первую в Россіи политическую реакцію. Жертвами этой реакціи сдѣлались вышеназванные представители поколѣнія: первый популяризатор русской печатной книги в городской средѣ Новиков и первый русскій студент, усвоившій в заграничном университетѣ (Геттингенѣ) идеи «просвѣтительнаго вѣка» Радищев.

Но не только об этого рода связи декабристов с прошлым слѣдует здѣсь упомянуть. Не менѣе глубоко, хотя и гораздо менѣе, отмѣчено то вліяніе прошлаго, которое связывает декабристов с соціальной средой, из которой почти всѣ они вышли. Это была среда тогдашняго правящаго класса. Почти всѣ декабристы принадлежали к дворянству, многіе к высшему слою его; нѣкоторые носили княжескіе титулы. По традиціи

военнаго класса значительное большинство служило в гвардейских полках офицерами. Эти гвардейскіе полки — Преображенскій и Семеновскій, заведенные Петром, — Измайловскій и Конный, присоединенные к ним Анной — сыграли роль преторіанцев петербургскаго періода русской исторіи. Тѣм, кто находил возстаніе декабристов дѣтской и утопической затѣей, заранѣе обреченной на неудачу, — тѣм слѣдует только вспомнить, что попытка 14 декабря, если бы она была проведена по традиціонному образцу, была бы седьмым по счету дворцовым переворотом, устроенным при участіи гвардейскаго дворянства. В 1725 г. гвардейскіе полки помогли войти на престол женѣ Петра Великаго, Екатеринѣ I. В 1730 г., когда аристократія и генералитет захотѣли ограничить самодержавіе Анны Іоанновны, тѣ же гвардейцы своим вмѣшательством спасли самодержавіе, разойдясь с общественными верхами во взглядах на устройство политическаго представительства. В 1740 г. Преображенскій полк свергнул регента Бирона, а через год тот же полк сверг и поставленную им регентшу Анну Леопольдовну, возведя на трон дочь Петра Елизавету. В 1761-ом — это был уже пятый раз — гвардейскіе офицеры возвели на престол иностранку Екатерину II и убили ея мужа Петра III. Наконец, в 1801 г. из тѣх же кругов вышли убійцы Павла I, возведшіе на престол Александра I. Не было, таким образом, рѣшительно ничего новаго и неожиданнаго в том, что по смерти Александра в той же гвардейской средѣ родилась мысль воспользоваться раздвоеніем кандидатур Константина и Николая Павловичей, чтобы поддержать законнаго кандидата под условіем созыва «великаго собора» (т. е. учредительнаго собранія), который должен был установить новую форму правленія. Можно говорить, что руководители заговора в этот, первый и единственный, раз оказались слишком неискусными. Они, дѣйствительно, оказались черезчур интеллигентами для роли военных заговорщиков. Но никак нельзя говорить, что самая идея военнаго проунціамента в Россіи была безнадежна. Трон Николая втеченіе нѣскольких часов подвергался сильнѣйшей опасности, и в тот момент всѣ это прекрасно понимали.

Не была нова даже и интеллигентская идея созыва учредительнаго собранія для измѣненія формы правленія. Эта идея была санкціонирована не только французским примѣром 1789 г., нагугавшим Екатерину II. Имѣлся и созданный самой Екатериной II русскій прецедент — знаменитая «комиссія для составле-

нія новаго уложенія» 1767 г. Еще в 1773 г. Дидро предлагал охладѣвшей к либеральным экспериментам императрицѣ превратить эту Комиссію в законодательное собраніе и ограничить ея права верховной власти.

Есть и еще одна любопытная психологическая черта, которая роднит декабристов с русским прошлым. Это их близость к двору и к личности государя. Декабристов нерѣдко обвиняли в малодушіи, в виду их быстрого перехода от революціонных планов к раскаянію, когда пришлось перед личностью самого императора давать отчет в том, что сгоряча они наговорили в своих секретных офицерских собраніях. Но это раскаяніе далеко не всегда было искусственной тактикой, с цѣлью смягчить вину и ослабить ожидавшее наказаніе. По большей части это был своего рода атавизм полярности к особѣ Государя, проявившейся в видѣ реакціи на всѣ эти разговоры о цареубійствѣ, серьезные и несерьезные. Чувство ужаса, которое овладѣвало участниками во время самых этих разговоров об истребленіи царской семьи, их инстинктивное стремленіе отдалить акт покушенія и отвести руку убійцы, уже готового пожертвовать собой и занести кинжал — какого нибудь Каховскаго или Якубовича, — то же самое чувство проявилось уже без всяких сдержек, когда пришлось повторять перед судом эти святотатственные слова. Говорившіе их почти добросовѣстно переставали вѣрить, что когда-либо говорили что либо подобное, и объясняли свои рѣчи состояніем «безпамятства», столько же, как и порывом энтузіазма и гражданскаго чувства.

II.

Но гораздо болѣе, чѣм прошлому, декабристы обязаны, при составленіи своих убѣжденій и практических планов, своей собственной эпохѣ. Им пришлось жить в чрезвычайно богатую событіями и знаменательную эпоху историческаго перелома: в эпоху наполеоновских войн и конгрессов Священнаго Союза. Вмѣстѣ с русскими войсками очень многіе из будущих декабристов побывали за границей; нѣкоторые оставались там по нѣскольким мѣсяцам и больше. Они не остались равнодушными к окружающей их общественной и политической жизни. Многіе привыкли к чтенію политических газет и продолжали слѣдить за политической жизнью Европы и послѣ возвращенія домой. Кое-кто по-

бывал и в засѣданіяхъ европейскихъ представительныхъ собраній, особенно Франціи. Дебаты в палатѣ общинъ живо интересовали нашихъ молодыхъ политиковъ. Наиболѣе подготовленные изъ нихъ слѣдили и за политической литературой. Сочиненія Дестютю де Траси, Бенжамена Констана, Филанджери Биньона упоминаются в показаніяхъ самихъ декабристовъ, какъ оказавшія на нихъ непосредственное вліяніе. Слѣды этихъ вліяній видны и в конституціонныхъ проектахъ, составленныхъ видными декабристами. Но особенно сильное впечатлѣніе произвели на гвардейскую молодежь политическія событія з средѣ имъ близкой: военныя прононціаменты Кирога и Ріего в южной Испаніи, Вильгельма Пеле в Неаполѣ в 1820 г. с послѣдовавшимъ созывомъ представительныхъ собраній, возстановленіемъ конституціи 1812 г. и либеральными реформами. Непрочность этихъ побѣд, ихъ усмиреніе войсками Священнаго союза, торжество контр-революціи только убѣдили нашу военную молодежь, что обѣщанія монарховъ не прочны и что предпочтительнѣе доводить революціи до полного низверженія королей и до провозглашенія республик.

Насколько часты и сильны были эти впечатлѣнія? В своемъ дневникѣ за 1820 г. Николай Тургенев, один изъ самыхъ интеллигентныхъ и начитанныхъ декабристовъ, записалъ: «встрѣчаясь в клубѣ с читателями газетъ, мы спрашивали другъ друга при встрѣчѣ: нѣтъ ли еще конституціи. А теперь можно еще спрашивать: нѣтъ ли еще революціи?» «Большая часть молодежи», пишетъ представитель старшаго поколѣнія кн. Васильчиковъ, «в восторгѣ отъ всего, что происходитъ — и не скрываетъ своего образа мыслей». И онъ совѣтовалъ правительству «пустить в дѣло гвардію, а не держать ее в резервѣ», чтобы «охладить молодыя головы», а затѣмъ и «уменьшить число гвардіи». Можно себѣ представить волненіе в средѣ этой молодежи, когда узнали, что гвардія в самомъ дѣлѣ должна отправиться в походъ для усмиренія неаполитанскаго возстанія, согласно рѣшенію Лайбахскаго Конгресса.

Отъ сочувствія военнымъ возстаніямъ до мысли о необходимости составить военный заговоръ и образовать тайное общество было весьма недалеко. Подготовительной стадіей послужили при этомъ масонскія ложи, существовавшія в Россіи со времени императрицы Елизаветы, а при Екатеринѣ II получившія, в рукахъ Новикова и молодого энтузіаста Шварца, большое моральное и общевоспитательное значеніе. Хотя политика не допускалась в ложи, но при имп. Александрѣ ложи получили, несомнѣнно,

и политическое значеніе, и недаром первые же удары реакціи в 1822 г. обрушились на них. Среди участников тайных обществ, возникших при Александрѣ, можно насчитать не менѣе 50 масонов и 23 из них предстали пред судом, как наиболѣе видные участники декабрьскаго возстанія. Карбонаризм также был извѣстен в Россіи, особенно в его французских и швейцарских (Лагарп) развѣтвленіях. Наконец, тайное общество для освобожденія Греціи даже возникло на территоріи Россіи и было извѣстно декабристам, жившим на югѣ Россіи (Пестель).

Конечно, всѣ эти западные примѣры получали значеніе только тогда, когда в самой русской жизни открывались достаточные поводы для созданія тайных обществ и для подготовки военнаго переворота. Самой главной и основной причиной возникновенія тѣх чувств и настроеній, которыя вели к участию в тайном обществѣ, было сравненіе того, что побывавшая за границей часть офицерства видѣла в Европѣ или знала из книги, — с тѣм, что происходило в Россіи. Мрачную картину недостатков русской жизни нарисовал уже Радищев в своем знаменитом «Путешествіи из Петербурга в Москву». Во времена Александра эта картина была не менѣе удручающей. Образованная молодежь болѣе всего оскорблялась в своем чувствѣ патріотизма этими недостатками русской дѣйствительности, которые она хотѣла спѣшно искоренить. Вмѣсто подробных описаній, я приведу здѣсь отрывок из статьи декабриста М. С. Лунина, характеризующій патріотическія настроенія общества. «Общество сдѣлалось выраженіем народных интересов», пишет Лунин, «требуя, чтобы законы, управляющіе страной и остававшіеся неизвѣстными даже судам, были собраны и изданы, послѣ разумной кодификаціи; чтобы гласность в дѣлах государственных замѣнила призрак канцелярской тайны, которым они окружены и который мѣшает их ходу, скрывая от правительства и от народа злоупотребленія чиновников; чтобы судопроизводство было быстро, а потому устное, открытое и даровое; чтобы администрація была подчинена твердым правилам на мѣсто личнаго произвола; чтобы дарованія, в каком бы сословіи они ни обнаружались, вызывались к содѣйствію на общее благо; чтобы выбор должностных лиц опредѣлялся общественным голосом, замѣщая ими невѣжд и взяточников; чтобы в назначеніи и употребленіи казенных сумм отдавался гласный отчет; чтобы откупная монополія (на водку), ведущая к развращенію и нищенству низших сословій, была замѣнена другой системой налогов; чтобы

обращено было вниманіе на судьбу защитников отечества, и количество войск уменьшено, срок службы сокращен, а жалованье солдата увеличено в соразмѣрности с его нуждами; чтобы военныя поселенія, незаконныя в своем основаніи, были уничтожены, во отвращеніе новых злодѣйств и пролитія крови; чтобы торговля и промышленность освободились от произвольных постановленій и устарѣлых разграниченій, препятствующих движенію, чтобы, наконец, положеніе духовенства, вполнѣ обеспеченное, сдѣлало его независимым и свободным к исполненію своих обязанностей.» Я нарочно привел этот перечень (неполный), чтобы показать, что при нормальном ходѣ вещей, для достиженія всѣх этих задач не было надобности в созданіи какого-либо заговора. И дѣйствительно, первоначально, в созданном в 1816 г. «Союзѣ Спасенія» (он назывался также «Общество вѣрных и истинных сынов отечества»), а отчасти и в замѣнившем его в 1818 г. «Союзѣ Благоденствія» политическія цѣли отступали на второй план сравнительно с филантропическими и общественными в широком смыслѣ. Поэтому же первоначально предполагалось, что для правительства существованіе общества не должно быть тайной, как не было тайной и существованіе масонских лож. Н. Тургенев записывает в 1817 г. в своем дневникѣ: «убѣдившись в необходимости тайных обществ, надобно в особенности замѣтить, что тѣ из них, которыя устроены на правилах нравственности и патріотизма, заслуживают не преслѣдованія, а одобренія правительства, тѣм болѣе, что правительства часто не могут произвести в дѣйство того, что могут общества...»

Однако же, наряду с перечисленными Луниным цѣлями, были другія, им тоже указываемыя, которыя затрогивали самыя коренныя начала существовавшего политическаго и соціальнаго порядка. Это была, во-первых, идея об ограниченіи самодержавной власти, подсказанная европейскими событіями, и, во-вторых, идея освобожденія крестьян от крѣпостной зависимости, подсказанная современной русской дѣйствительностью. Вначалѣ декабристы могли добросовѣстно думать, что и объ эти идеи раздѣляются правительством имп. Александра. Правда, конституціонные проекты первой половины царствованія Александра не осуществились. Но в 1815 г. Польша получила конституцію, а в 1818 г., открывая польскій сейм, император заявил, что он «надѣется распространить либеральныя учрежденія и на всѣ страны под его скипетром». Историк Карамзин свидѣтельствует, что эта

рѣчь «сильно отозвалась в молодых сердцах: спят и видят конституцію, судят, рядят, начинают и писать (в газетах)...» Н. Тургенев высказывает в своем дневникѣ надежду, что «свобода придет в Россію через Польшу», и что «чувствительно видѣть поляков получающих то, чего нѣтъ у русских». Это чувство обиды, напоминающее то, которое испытало русское общество полвѣка спустя, когда Александр II дал конституцію болгарам, — очень усилилось, когда русское общество поняло, что правы были не энтузіасты, восторгавшіеся намѣреніями Александра, а скептики, тогда же утверждавшіе (как ген. Ермолов), что «все останется при одних обѣщаніях».

Другой идеей, выходящей за предѣлы того, о чем можно было говорить и думать легально, была идея уничтоженія крѣпостного права. Очень многіе декабристы в своих показаніях перед судом и в своих мемуарах свидѣтельствуют, что рабство крестьян и сопряженный с ним злоупотребленія были самыми сильными из впечатлѣній, побудивших их думать сперва о реформах, а потом и о переворотѣ. Но здѣсь молодежь каталкивалась не только на сопротивленіе власти, а и на сопротивленіе своей собственной дворянской среды. Лунин в упомянутой выше статьѣ прямо говорит о существованіи «враждебной партіи», которая состояла из «части дворян, боявшихся лишиться крѣпостных и своих прав» и которая именно поэтому очернила в глазах правительства тайное общество своими обвиненіями. Навѣрное, это не была организованная политическая «партія». Но когда нѣкоторые декабристы утверждали, что цѣлая «треть» дворянства на их сторонѣ, то даже и этот оптимистическій подсчет подтверждает, что большинство дворян было не за них, а против них. И, конечно, оно особенно было против *соціальных* стремленій декабристов. Их *политическія* стремленія, напротив, должны были вызвать болѣе сочувствія среди правящаго класса, ибо ограниченіе самодержавной власти представлялось, прежде всего, как передача части государственной власти этому правящему классу. Всѣ болѣе раннія попытки формулировать начала конституціи (М. Ф. Орлова, гр. Дмитріева-Мамонова, даже Н. Тургенева в его молодые годы) проникнуты аристократическим духом и проектируют созданіе наследственных прав. Эта черта сохранилась до самаго освобожденія крестьян в 1861 г. Идея конституціи и идея уничтоженія крѣпостного права именно поэтому вступили в нѣкоторый антогонизм. Русскіе демократы очень долго были против конституціи,

боясь, что класс помѣщиков, укрѣпив при помощи конституціи свою власть, тѣм самым помѣшает освобожденію крестьян, осуществити которое самодержавной власти будет легче, если она сохранит свою неограниченность. И надо признать, что факты подтвердили это предположеніе. Извѣстно, какое сопротивленіе среди дворянства возбудило проведеніе освободительной реформы 1861 г., какія препятствія пришлось при этом преодолѣть и какія серьезныя уступки нужно было сдѣлать землевладѣльцам в ущерб крестьянству. Декабристы, как и их преемники — дѣятели эмансипаціи, несомнѣнно, шли в этом вопросѣ против интересов своего сословія. Это отчасти сказалось в той осторожности, которую, требуя немедленной отмѣны крѣпостного состоянія, они проявили в вопросѣ о переходѣ земли к крестьянам. Только Пестель составляет в этом отношеніи блестящее исключеніе, предлагая надѣлать крестьян широко — отчасти землей на правѣ собственности, отчасти надѣльными участками — не в собственность, а в пользованіе, — чтобы служить резервом и фондом для будущих поколѣній и коррективом к неравенству распределенія земельной собственности. Другіе декабристы ограничивались или освобожденіем крестьян без земли, или надѣленіем их весьма малыми по размѣру участками. В ранних проектах самое освобожденіе крестьян рисуется в болѣе или менѣе отдаленной перспективѣ, послѣ осуществленія ряда предварительных реформ, долженствующих приготовить Россію к этому рѣшительному акту гражданственности. Напротив, осуществленіе политической реформы не встрѣчало никаких подобных затрудненій. И все же, можно сказать, что идея отмѣны крѣпостного права со всѣми его злоупотребленіями, как власти человѣка над человѣком, внушала болѣе энтузіазма и сильнѣе зажигала сердца декабристов, чѣм даже мысль о конституціи или республикѣ. Если бы между двумя идеями нужно было дѣлать выбор, большинство их, вѣроятно, предпочло бы крестьянское освобожденіе немедленному ограниченію монархической власти.

Едва ли не самой случайной чертой декабристскаго заговора было — возстаніе 14 декабря. Их основным планом был план постепеннаго воспитанія общества к воспріятію свободных учрежденій и социальных реформ. Их мнѣніе о степени подготовленности окружавшаго их общества было чрезвычайно невысоко. Отсюда и частые приливы пессимизма у многих из них. Когда пришлось выполнять сгоряча данныя обѣщанія и идти на пло-

щадь, не у одного кн. Одоевскаго доминировало настроеніе, которое он выразил в фразѣ: «ах, как славно мы умрем!» Они чувствовали, что были только піонерами в долгом процессѣ русской цивилизаціи. Рылѣеву приписывают фразу, сказанную им наканунѣ возстанія: «я увѣрен, что мы погибнем, но примѣръ останется. Принесем себя в жертву для будущей свободы отечества». Другой вождь декабристов, Пестель, заявлял перед слѣдственной комиссіей: «нельзя приписать распространенія духа преобразованія по государству нашему обществу, ибо оно было слишком еще малочисленно, дабы какое-нибудь имѣть на сей счет общее вліяніе». По преданію, перед казнью Пестель заботился только об одном: чтобы его «Русская Правда» сохранилась для потомства.

Иногда ставили вопрос: что было бы, если бы возстаніе декабристов удалось? И мы уже говорили, что если бы декабристы смотрѣли на свою задачу так, как смотрѣли гвардейскіе иррегулярцы XVIII вѣка, переворот мог бы удался. Но они смотрѣли на свою задачу несравненно сложнѣе. Они видѣли в переворотѣ только начало длительного процесса; и осуществленіе этого процесса только самые рѣшительные из них, как Пестель, хотѣли оставить в собственных руках. Остальные мыслили себѣ удачу переворота, как согласіе сената опубликовать манифест, которым опредѣлялся состав временнаго правительства (декабристы думали о Сперанском и Мордвиновѣ; дальше их планы, кажется, не шли) и назначались выборы от губерній в «Земскую Думу», на рѣшеніе которой должен был быть передан вопрос о формѣ правленія. На вопрос, что дѣлать, если их кандидат на престол или Николай не согласится подписать такой манифест, декабристы отвѣчали (в послѣднюю минуту, когда такой вопрос невольно встал перед болѣе предусмотрительными) растерянными соображеніями о вывозѣ царской семьи за границу или столь же растерянным разсчетом на то, что кто-нибудь при захватѣ дворца (или впослѣдствіи, «по примѣру Мировича») устранимъ царя путем убійства. Писанію конституцій и обсужденію вопросов реформы они посвятили столько времени, что вопрос о том, когда именно и как начать дѣйствовать, остался до конца нерѣшенным. Всякая попытка обсудить этот вопрос кончалась отсрочкой до какого-то другого неопредѣленнаго момента. Поэтому то, когда наступил момент переменъ царствованія, которым по традиціи XVIII вѣка, нельзя было не воспользоваться, наши заговорщики оказались

застигнутыми врасплох. Практика гвардейскаго пронунціаменто была очень несложна: нужно было только вывести на улицу солдат, обязанных слѣпо повиноваться своимъ командирамъ. Но на этотъ разъ, во-первыхъ, измѣнился взглядъ на солдата. Его надо было еще убѣдить, чтобы онъ повиновался сознательно. Убѣждать пришлось, конечно, фальшивыми аргументами. Во-вторыхъ, почти всѣ заговорщики были в чинѣ не выше ротнаго командира, т. е. не могли вызвать автоматическаго повиновенія солдатъ. Такъ какъ изъ военныхъ никто не бралъ на себя инициативы, ее взялъ в концѣ концовъ штатскій, Рылѣевъ. В теченіе нѣсколькихъ дней собиравшіеся у него офицеры подбодряли друг друга и крѣпились, хотя по одиночкѣ каждый изъ нихъ сознавалъ, что ихъ слишкомъ мало, и что изъ дѣла ничего не выйдетъ. Какъ-то Рылѣевъ объявилъ главнымъ военнымъ начальникомъ возстанія кн. С. Трубецкаго, — чуть не по секрету отъ него самого; а у Трубецкаго это душевное раздвоеніе между чувствомъ товарищества и полнымъ невѣріемъ в серьезность предпріятія парализовало всякую способность къ дѣйствию. В день возстанія это чувство достигло такой остроты, что Трубецкой все утро метался изъ дома в домъ, не находя себѣ мѣста и избѣгая только одной точки: того мѣста, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ. Немногія части войскъ, собравшіеся у памятника Петра Великаго, остались безъ всякаго руководства, и, повидимому, никто не нашелъ этого особенно неожиданнымъ; точно вся задача в рѣшительный моментъ свелась къ тому, чтобы стоять на мѣстѣ и ждать или моральнаго дѣйствія своего самопожертвованія, или — разстрѣла. Какъ видимъ, стратегія и тактика переворота оказалась ниже всякой критики. И это было совершенно в стилѣ офицеровъ, ставшихъ интеллигентами. 14 декабря было одной символической возстанія, и понятно изумленіе наблюдавшаго со стороны иностранца: да развѣ такъ дѣлаютъ революціи? Здѣсь находимъ и отвѣтъ на вопросъ: могло ли удалиться возстаніе? *Оно не было рассчитано на удачу.*

Картечные выстрѣлы, разогнавшіе солдатъ и сигнализировавшіе офицерамъ-заговорщикамъ, что ихъ историческая роль исполнена, правда, вовсе не были символическими. Старая власть отвѣтила на новыя идеи такъ, какъ можно было ожидать отъ нея. Покончивъ съ игрушечнымъ возстаніемъ, правительство (и особенно министерство иностранныхъ дѣлъ) принялось немедленно искать корней заговора. Какъ водится, оно нашло ихъ в связи съ другими проявленіями мятежнаго духа в Европѣ. Вѣдь признавалъ же Пестель

в своем показаніи, что «с одного конца Европы до другого, от Португаліи до Россіи,» вездѣ одинаково «умы кипят духом преобразованія». И нитей декабрьскаго заговора пытались искать в Парижѣ и Дрезденѣ, в Италіи и Австріи. Гораздо вѣрнѣе было первое впечатлѣніе императора Николая, высказанное им французскому послу, что в основѣ движенія лежало взволнованное національное чувство и вовсе не было участія иностранцев. В показаніях декабристов, дѣйствительно, можно найти ряд протестующих заявленій против обвиненій в связи с иностранцами. Кн. Трубецкой протестует против идеи интервенціи в выраженіях, которыя могли бы быть буквально повторены в наше время русскими радикалами. Конечно, слухи о существованіи тайных обществ в Россіи ходили и за границей и даже вызывали крайне преувеличенныя ожиданія (см. напр. секретное донесеніе из Неаполя 19 марта 1826 г., приведенное у Семевского «Политическія и общественныя идеи декабристов», стр. 367). Но, кромѣ сношеній членов «Южнаго Общества», никаких других сношеній с иностранцами слѣдствіе не обнаружило. А по отношенію к полякам намѣреніе «Южнаго Общества» (и самого Александра) вернуть Польшѣ земли, заселенныя коренным русским населеніем, вызывали сильнѣйшее раздраженіе среди членов «Сѣвернаго Общества». На этом даже было основано одно из предложеній царубійства.

При всем широком образованіи многих декабристов, при всем увлеченіи их европейскими передовыми идеями, при всем их знакомствѣ с волненіем умов и с революціонными движеніями в современной им Европѣ, все движеніе декабристов было специфически-мѣстным русским движеніем. Оно тѣснѣйшим образом связано с впечатлѣніями русской дѣйствительности. Именно недостатки русской жизни, вполне реальные и прекрасно извѣстные декабристам, которых вовсе не слѣдует считать утопистами, вызвали их недовольство и создали у них жажду реформ — тоже совершенно конкретных, практических и попадавших в самую точку. Только политика Александра I, с ея постепенным переходом из періода первоначальнаго либерализма в період реакціи и репрессій конца царствованія, заставила декабристов потерять надежду на мирный исход путем реформ и столь же постепенно превратила движеніе из просто-филантропическаго в либерально-политическое, а из либеральнаго в радикальное и революціонное. Недовольны были, несомнѣнно, не одни декабристы. Недовольство было распространено кругом и проникало уже в то-

время в народныя массы. Вслѣд за декабристским возстаніем непосредственно послѣдовал ряд крестьянских волненій, с тѣх пор не прекращавшихся до самаго конца царствованія Николая I и до приступа к крестьянской реформѣ. По очень неполной статистикѣ министерства внутренних дѣл, за двадцатипятилѣтіе 1828-1854 г. г. было насчитано 547 случаев крестьянских волненій, а за послѣднія двадцать лѣтъ этого промежутка произошло 219 покушеній на помѣщиков (в том числѣ 144 убійства).

III.

Как только что сказано, декабристы вовсе не были фантазерами. Им нельзя отказать в самом отчетливом знаніи русской жизни; об этом свидѣтельствует уже вышеприведенный список отрицательных явленій этой жизни у Лунина. Все это были — недостатки упорные, глубоко укоренившіеся, — и для борьбы с ними понадобился потом длинный ряд поколѣній. В этом отношеніи выставленная декабристами программа оказалась пригодной надолго. Собственно говоря, только тридцать лѣтъ спустя — в эпоху «великих реформ» — началось ея первое серьезное осуществленіе. Но оно и в наши дни еще не закончилось, а практика совѣтской жизни сдѣлала даже многіе пункты декабристской программы болѣе актуальными, чѣм они были до нашей революціи.

Причина такой медленности была правильно понята и указана самими же декабристами. Они прекрасно сознавали, что борьба с частичными недостатками русской жизни будет бесплодна до тѣх пор, пока будут существовать порождающіе эти недостатки корни. Корнем большинства из них являлось отсутствіе почвы п р а в а чувства з а к о н н о с т и. Но право и законность только тогда могли получить прочную основу в русской жизни, когда на них был бы построен самый государственный строй — т. е. когда исключющее господство права и закона самодержавіе было бы замѣнено свободным представительным строем. А усвоеніе этой идеи неизбѣжно приводило к переходу от борьбы индивидуальной и мирной, носившей в первом тайном обществѣ декабристов характер личной благотворительности, — к борьбѣ коллективной и насильственной. Борьба эта не могла не принять революціоннаго характера, когда неограниченная власть, вмѣсто уступок, сама перешла от проектов добровольнаго и частичнаго преобразования к планомѣрной и все болѣе упорной системѣ само-

защиты, вооруженной всеми средствами насилія полицейскаго государства.

Все это объясняет, почему идеи декабристов, имѣвшія, как мы видѣли, свое прошлое и связанныя с настоящим, сохранили свою жизненность и для будущаго. Правительство позаботилось, правда, чтобы между покаранными виновниками возстанія 14 декабря и послѣдующими поколѣніями не образовалось прямой преемственной связи. Декабристы (числом 116, кромѣ пяти повѣщенных) были сосланы в Сибирь — и оставались там в течение всѣх тридцати лѣтъ царствованія Николая I. Всякій намек на них в печати был строго запрещен цензурой. Память о декабристах очень скоро превратилась изъ потому в какую-то смутную легенду. И, тѣм не менѣе, вопреки всѣм преградам и запретам, — быть может, отчасти именно благодаря им, — эта память хранилась, как святыня.

Сразу измѣнилось только, вслѣдствіе провала возстанія и изыятія виновных, самая среда, в которой свято хранились завѣты декабристов. вмѣсто гвардіи движеніе перешло теперь в университет: вмѣсто офицерства его носителями стали студенты и зеленая молодежь. «Аннибалова клятва» на Воробьевых горах, данная дѣтьми — Огаревым и Герценом, Сунгуровская исторія в московском университетѣ — были только одиночными ласточками, промелькнувшими среди суровой зимы начинавшагося николаевского режима. Націоналистическія и славянофильскія настроенія сразу смѣнили настроенія политическаго либерализма. Но брошенная декабристами искра все же не загасла: она тлѣла и теплилась, пока не разгорѣлась в яркій огонь. Огарев в таких стихах изобразил нам обстановку передачи декабристской идеи послѣдующим поколѣніям:

Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов
Могучих дѣятелей племя
И свѣло благое сѣмя
На почву юную умов.
Вездѣ шептались. Тетради
Ходили в списках по рукам...
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась.
Вот пять повѣщенных людей...
В нас сердце молча содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась, —
И путь означен жизни всей.

Этим «путем всей жизни» пошло не одно только поколѣніе Огарева и Герцена. Достаточно назвать руководящія идеи дека-

бристов, чтобы увидѣть их отношеніе к ряду послѣдующих поколѣній, а через них и к нашему времени. Идея революціонная. Идея гражданской свободы и равенства. Идея республиканская. Идея федералистическая. Можно сразу сказать, что жизненность этих идей не только не ослабѣла зтеченіе столѣтія, но что, наоборот, только в наши дни всѣ онѣ развернулись во всю широту и приобрѣли особую жизненность.

Прежде всего идея *революціонная*. Мы видѣли, что декабристы были, в сущности, случайными революціонерами и не в этом существо их дѣла. Однако же, они как бы прообразовали тот факт, что только путем революціи Россія будет в состояніи покончить со старым порядком, на который они повели свое нападеніе. Притом мы видѣли, что в лицѣ декабристов революціонная идея вступила в новый фазис. Декабристы были послѣдними военными заговорщиками, — как мы знаем весьма неискусными. Но они сдѣлались первыми идейными революціонерами. Надо прибавить, что в их поколѣніи революціонная идея еще не потеряла своей реальной силы, ибо не потеряла своего социальнаго базиса — своей связи с прежним правящим классом. Послѣ их ликвидаціи идея революціи лишилась этого дворянскаго базиса — и именно поэтому повисла в воздухѣ. Ближайшія поколѣнія русских революціонеров превратятся из реалистов и реформаторов в утопистов и мечтателей. Революціонная идея сдѣлается достояніем молодого поколѣнія «шестидесятников» и «семидесятников», порвавших с «отцами» сороковых годов. Вначалѣ крайне наивное по своим идеям (Бакунинскій федерализм) и тактическим приѣмам («хождение в народ»), это новое революціонное теченіе, однако, будет упорно преслѣдовать свою основную идею — сблизиться с народными массами и приобрѣсти таким образом для революціонной идеи новую социальную основу. К концу XIX столѣтія эта цѣль в извѣстной степени уже начинает достигаться, а дальнѣйшее ея развитіе засвидѣтельствовано и доказано революціями 1905 и 1917 годов. Самодержавіе не сумѣло воспользоваться отсрочкой, данной ему казнью декабристов; не воспользовалось и многими другими отсрочками, и дождалось того времени, когда прежніе студенческіе кружки, узнававшіе дѣйствительность из книг и примѣнявшіе свои идеи способами, описанными в Тургеневской «Нови», уступили мѣсто широкому народному движенію, которое стихійным порывом смело старый режим, не пожалѣв и того хорошаго, что в нем было.

Нужно ли прибавлять еще раз, что для декабристов революция была не целью, а методом, — притом весьма неприятным и нежелательным? Они предпочитали путь сотрудничества правительства с народным представительством, и не вина их и дальнейших поколений, что путь этот оказался прегражденным.

Что касается идеи *социальной*, идеи *свободы* и *гражданского равенства* — мы видели, что она была у декабристов главной и доминирующей. Эта идея находила свое применение прежде всего в уничтожении правовой аномалии — рабства. Крепостное состояние, это главное зло русской жизни, должно было быть немедленно искоренено. Без освобождения крестьян трудно было говорить о всех других реформах, осуществимых только на основе уравнивания всех перед законом. Верность этой оценки сказалась в том, что, действительно, из всех идей декабристов — эта идея была первая поставлена на очередь осуществления. Но в 1861 г. она была осуществлена далеко не вполне. Социальная сила дворянства оказалась в том, что крестьянство получило меньше земли, чем ему было нужно, заплатило за эту землю дороже, чем она стоила, — а, главное, было оставлено и после освобождения в положении неравноправного с другими сословиями, находившагося под опекой и контролем государства, как относительно его гражданских прав, так и относительно характера своего землепользования. Последнее должно было служить обеспечением в исправной уплате налогов и было поэтому лишено характера частной собственности, — так же, как и сами земледельцы были ограничены в праве выхода из общины и из своего сословия. «Завѣтъ» декабристов был, таким образом, не исполнен, и в последствие последующим поколениям остались сложные вопросы о дополнительном надѣлении землей, о понижении платежей, о раскрепощении крестьян от оков податного состояния и зависимости от традиционного русского «мира». Союз самодержавия и дворянства сдѣлал осуществление этих задач невозможным без революционного переворота. «Аграрная реформа», насильственно изгнанная из Государственных Дум путем переворота сверху, изменившего противозаконно избирательный закон и давшего искусственный перевѣс дворянству — эта аграрная реформа сдѣлалась центральным стержнем последней революции 1917 г. и останется навсегда ее главным завоеванием.

Переходим к *идее республиканской*. Декабристы так же, как и последующия поколения русских революционеров,

предоставляли рѣшеніе вопроса о формѣ правленія волю самого народа, выраженной через учрежденіе, которое декабристы называли «великим собором», а послѣдующія поколѣнія стали называть «учредительным собраніем». Собственные идеи декабристов в этом вопросѣ колебались и видоизмѣнялись. Начавши, как и в аграрном вопросѣ, с очень консервативных и аристократических проектов, декабристы перешли, под вліяніем знакомства с европейской политической литературой и с современными конституціями, к построенію строго-конституціонных проектов. Как извѣстно, они разошлись при этом по двум направленіям. «Сѣверное общество», вообще болѣе умѣренное, склонялось к идеѣ конституціонной монархіи, «Южное общество», болѣе радикальнее и болѣе активное, стояло за республику. Выразителем перваго мнѣнія был Никита Муравьев в своем проектѣ конституціи. Выразителем второго был Пестель в своей «Русской Правдѣ». Но, внимательно разсматривая оба проекта и читая показанія декабристов на судѣ, нельзя не придти к заключенію, что в сущности большой разницы между обоими теченіями не было. К республиканизму не только «в душѣ», но и на практикѣ, склонялись и конституціонные монархисты сѣверной группы. В своих бесѣдах, в порывѣ увлеченія, болѣе рѣшительные увлекали за собой в этом направленіи и колеблющихся. Наединѣ с собой, в минуты размышленій и разочарованій в силѣ заговора, декабристы, как кн. С. Трубецкой, приходили, правда, к мысли о практической неосуществимости республиканскаго идеала. К осторожности побуждала их в этом, как и в других вопросах, реакція на рѣшительность и на авторитетность Пестеля. Затѣм за временное сохраненіе монархіи — даже неограниченной — говорили извѣстныя нам соображенія о необходимости предварительнаго освобожденія крестьян верховной властью и вопреки сопротивленію дворянства. Эта мысль выступила особенно ярко именно в годы крестьянскаго освобожденія, когда дворяне-землевладѣльцы стали смотрѣть на раздѣли власти с монархом в аристократической конституціи, как на способ вознаградить себя за потерю власти над личностью крестьянина — и закрѣпить попутно остатки своей власти на мѣстах, в уѣздѣ и волости. В своеобразной формѣ тѣ же дворянско-монархическія стремленія возродились в годы нашего псевдо-конституціоннаго эксперимента, в 1907-1917 г. г. Монархія и дворянство дорого заплатили за этот окровавленный союз против широкой аграрной реформы,

на которой продолжало настаивать крестьянство в связи с демократической общественностью. Гибель династии и дворянства в этой последней ставкѣ и слишком прозрачныя попытки в «бѣлой» борьбѣ вернуть утерянное, надо думать, укрѣпили республиканскую идею в глазах масс и послужат прелюдией к ея окончательному торжеству. То, что еще недавно казалось наиболее непрактичным и неосуществимым из наслѣдія декабристов, окажется единственно возможным.

Наконец, остановимся на послѣдней из основных идей декабристов, на *идею федеративной*, — тоже казавшейся совершенно неосуществимой до самого послѣдняго времени. И в этом вопросѣ декабристы не были вполне согласны друг с другом. Но тут за болѣе радикальное федеративное рѣшеніе стояли болѣе умѣренные, тогда как болѣе крайнее теченіе стояло за централизм «единой и недѣлимой» республики. Надо сказать, что то же повторилось и в наше время между «кадетами» и «соціал-демократами». Никита Муравьев, в числѣ заимствованных из американской конституціи черт, ввел в свой конституціонный проект дѣленіе Россіи на 13 «держав», самостоятельных «в законодательном и исполнительном отношеніи». Дѣленіе было территоріальным, а національным лишь постольку, поскольку національности совпадали с большими историческими дѣленіями. Идея федерации, таким образом, опиралась здѣсь не на требованія національностей, которыя тогда, за исключеніем Польши, еще не пришли к національному сознанію, а на разнообразіе мѣстных интересов и на невозможность управлять обширным тѣлом имперіи из одного центра, не нарушая самых жизненных потребностей населенія и не препятствуя мѣстному развитію. Это был не столько федерализм, сколько «регионализм». При такой постановкѣ вопрос сводился, в сущности, только к большей или меньшей широтѣ прав мѣстнаго самоуправленія. К этому и сводил его Пестель, энергически отвергавшій «всякую мысль о федеративном устройствѣ, яко пагубнѣйшем вредѣ и величайшем злѣ», для безопасности, спокойствія и даже самаго существованія государства. По его мнѣнію, за исключеніем Польши, всѣ остальные народности имперіи «по слабости своей и на будущія времена» «никогда не могут составлять особых государств, (к чему будут неизбѣжно стремиться при федерации), а посему и подлежат всѣ они п р а в у б л а г о у д о б с т в а (центрального государства), долженствуя при том навѣки отречься о т п р а в а отдѣльной н а р о д н о с т и». Самоуправленіе Пестель представ-

лял себѣ в видѣ «земских народных собраній» (волостных, уѣздных и окружных) с их управами («намѣстными» собраніями).

Именно в этой послѣдней формѣ идея мѣстнаго самоуправленія и получила свое первое осуществленіе — в земской реформѣ Александра II. А идея федерации пріобрѣла характер или строго національный (в проектѣ всеславянской федерации кирилло-мефодіевскаго кіевскаго кружка 1846 г.) или соціально-анархическій (в прудоновско-бакунинской идеѣ федерированія «коммун» снизу, усвоенной революціонерами-народниками семидесятых годов). В этом послѣднем видѣ федерализм не мог удержаться, но, как идея національная, федеральная идея вновь пріобрѣла жизненность и силу вмѣстѣ с ростом національнаго самосознанія народностей имперіи. Произошло это, в общем, не ранѣе 1905 г., когда всѣ народности впервые получили возможность открыто формулировать свои стремленія. К несчастью, и тут самодержавіе не сумѣло удовлетворить здоровое зерно, заключавшееся в этих стремленіях. Напротив, под вліяніем націоналистически настроеннаго «правлящаго сословія», оно раздражило до крайности національности мѣрами репрессіи и руссификаціи, обострило всѣ національные вопросы и дождалось, наконец, момента, когда приближеніе войны вывело вопрос о національностях из круга внутренне-русских вопросов и сдѣлало его опасным орудіем в руках сперва наших врагов, а потом и наших союзников. В этой обстановкѣ идея федерации оказалась уже идеей компромиссной по отношенію к требованіям полной независимости. Она и была использована с централистическими цѣлями совѣтской властью. Во всяком случаѣ, послѣ совѣтской конституціи 9 іюля 1923 г., и вопрос о русской федерации получил, хотя и каррикатурное, но тѣм не менѣе реальное осуществленіе и не будет снят с очереди при окончательном преобразованіи Россіи.

Из всего сказаннаго видно, что столѣтняя годовщина возстанія декабристов вовсе не является одним только историческим воспоминаніем. Напротив, только наши дни основныя идеи декабристов получили начало своего полнаго осуществленія. Это само по себѣ доказывает, что эти идеи не были ни чисто подражательными, ни мертворожденными, ни утопическими. Их отвергла традиціонная власть. Но их снова и снова ставила русская жизнь. Можно сказать, что только теперь, послѣ послѣдних катастроф и достиженій, мы располагаем достаточными матеріалами, чтобы в свѣтѣ исторической перспективы отнести к начинаніям декабристов так, как они

того заслуживают, и дать их идеям не книжную только, а жизненную и политическую оцѣнку. Только теперь мы можем вполне почувствовать и ту живую связь, которая соединяет декабристов с нами через головы ряда поколѣній, не ставивших их задач так реально, как онѣ поставлены именно в наше время. Естественно, что теперь же и возгорается живое чувство ненависти с другой стороны, — со стороны политических противников, хранителей завѣтов стараго режима, которые могли спокойно судить о декабристах лишь до тѣх пор, пока не выяснилось, что их практическая программа далеко не есть достояніе исторіи. Именно в наши дни стали возможны благодарственные панихиды по имп. Николаѣ I в память подавленія декабристскаго возстанія. Но эти демонстраціи уже запоздали. Окончательное осуществленіе идей декабристов стоит теперь на достаточно твердом пути.

Как сказано выше, декабристы прекрасно понимали, что это время наступит не скоро и что, в ожиданіи его, им придется пасть жертвой своей смѣлой инициативы. Рылѣев не ошибался, когда словами Наливайки предсказывал свою участь:

«Извѣстно мнѣ, погибель ждет
Того кто первый возстает
На утѣснителей народа;
Судьба меня уж обрекла,
Но гдѣ, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?»

Но прав был и неизвѣстный автор стихотворенія, отвѣчавшій декабристам:

«...Вы погибли не напрасно:
Все, что посѣяли, взойдет;
Чего желали вы так страстно,
Все, все исполнится, придет.
Иной возстанет грозный мститель;
Иной возстанет мощный род.
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющій народ.
В побѣдный день, в день славной тризны
Свершится роковая месть, —
И снова, прец лицом отчизны,
Заблещет ярко ваша честь.

Часть этих, полных вѣры, но и мрачных предсказаній уже исполнилась. Правда, не настал еще «день славной тризны». Наша тризна омрачена еще кровавыми отблесками дней, когда «свершилась роковая месть». Но наше маловѣріе было бы преступно — послѣ всего того, что уже свершилось. Мы должны твердо помнить, что, кромѣ всѣх перечисленных «идей», декабристы завѣщали нам

еще и одно «чувство» — и это есть большая доля их завѣщанія. Это — то чувство, которое двигает горы: чувство любви к родинѣ и энтузіазм самопожертвованія за ея интересы. И самое цѣнное, что мы можем сказать, чувствуя память декабристов в столѣтіе их собственной «жертвы», — это то, что зажженный ими огонь горѣл неугасимо в рядѣ поколѣній, не погас и в наши дни тяжелых испытаній в русских сердцах.

П. Милоков.